

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ
ИСКУССТВО

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЛТАРНОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ДЕКОРАЦИИ РАННЕХРИСТИАНСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ХРАМОВ ДО КОНЦА XIII ВЕКА (АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТУРГИИ И ИСКУССТВА)¹

Наталья Викторовна Герасимова

аспирант кафедры теории и истории
церковного искусства МДА
141300, Московская обл., Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
научный сотрудник музея имени Андрея Рублева
105120, Москва, Андроньевская пл., 10
gera-simova@mail.ru

Для цитирования: Герасимова Н. В. История изучения алтарной монументальной декорации раннехристианских и византийских храмов до конца XIII века (аспект взаимодействия литургии и искусства) // Вестник церковного искусства и археологии. 2022. № 1 (6). С. 13–30. DOI: 10.31802/VCAA.2022.6.1.001

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44196.

Аннотация

УДК 2-526.63 (75.058)

Алтарные росписи — смысловой центр любой декоративной программы христианского храма. На разных этапах истории Церкви они всегда отражали выступавшие на первый план аспекты смысла и назначения этого сакрального пространства. В формировании и обновлении алтарных монументальных программ решающую роль играло богослужение в его историческом развитии. Теме взаимодействия литургии и искусства, как наиболее актуальной в современной науке, посвящено значительное количество публикаций. Цель настоящей статьи — представить обзор существующих искусствоведческих работ, затрагивающих отдельно или в контексте иконографических исследований вопросы интерпретации алтарных тем или сюжетов в их связи с восточнохристианским богослужением.

Ключевые слова: историография, алтарные росписи, литургические сюжеты, монументальная живопись, раннехристианское искусство, византийское искусство, византийское богослужение.

The History of the Study of the Altar Monumental Decoration of Early Christian and Byzantine Churches until the end of the XIII Century (Aspect of the Relationship between Liturgical Rite and Art)

Natalya V. Gerasimova

PhD Student at the Department of Theory and History of Church Art
at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

Researcher at the Andrey Rublev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art

10 building, Andronyevskaya Ploshad, 105120 Moscow, Russia

gera-simova@mail.ru

For citation: Gerasimova, Natalya V. "The History of the Study of the Altar Monumental Decoration of Early Christian and Byzantine Churches until the end of the XIII Century (Aspect of the Relationship between Liturgical Rite and Art)". *Church Art and Archeology Review*, 2022, no. 1 (6), pp. 13–30 (in Russian). DOI: 10.31802/BCAA.2022.6.1.001

Abstract. Altar paintings are the semantic center of any monumental decoration program of the temple. At different stages of the history of the Church, they have always reflected aspects of the gist and purpose of this sacred space that have come to the fore. Byzantine rite in its historical development played a decisive role in the formation and renewal of altar painted programs. A significant number of publications have been devoted to the issue of interaction between the Liturgical Rite and mural decoration, as the most relevant in modern science. The purpose of this article is to provide an overview of the art studies that touch upon the interpretation of altar iconographical programs and liturgical plots in the context of their relationship with byzantine rite.

Keywords: historiography, altar mural paintings, liturgical plots, monumental painting, Early Christian art, Byzantine art, Byzantine rite.

Тот факт, что изучение развития чинопоследования литургии и уставных особенностей византийского обряда может дать наряду с искусствоведческими методами анализа массу новых возможностей для интерпретации и реконструкции программы храмовой росписи, не ставится под сомнение современной искусствоведческой наукой². Важным для толкования символической иконографии византийской монументальной живописи может оказаться и привлечение гимнографического и гомилетического наследия христианских авторов. В наибольшей степени это касается интерпретации декорации алтарных пространств.

Алтарные монументальные иконографические программы претерпели на разных этапах истории Церкви ряд обновлений, актуализируя те или иные аспекты сакрального значения алтаря, как пространства, где сосредоточено христианское богослужение. Апсиды раннехристианских памятников IV–VI вв. украшались изображениями Христа во славе (Теофания), Христа в окружении апостолов (Даяние закона = *Traditio legis*), Христа, вручающего ключи ап. Петру (*Traditio clavium*), сценами видений ветхозаветных пророков, изображениями мучеников, патрональных святых и донаторов. В послеиконоборческий период наиболее распространенным типом декорации алтарной апсиды стало изображение Богоматери с Младенцем Христом, кроме апостолов и мучеников, почетное место в системе росписи закрепилось за изображениями святителей. В классический период средневизантийского искусства — с конца IX до конца XI в., в результате синтезирования богословских и художественных идей сложилась система монументальной декорации византийского храма, в программах алтарей стали появляться изображения событий литургического года, ветхозаветные прообразовательные сюжеты, протоевангельские циклы, был дифференцирован

2 Взгляд на проблему «Литургия и искусство» широко представлен материалами сборников, изданных по результатам посвященных этой теме международных научных конференций, регулярно проходящих с 1991 г. (См.: Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / ред.-сост. А. М. Лидов. СПб., 1994; Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996; Иконостас: происхождение-развитие-символика / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000; Восточнохристианские реликвии / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003; Иеротопия. Исследование сакральных пространств. Материалы международного симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2004; Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М. 2006; Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2009; Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2009; Икона. Мир святых образов в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2014.)

порядок изображения святых. В XI–XII вв. декор алтарного пространства получил наиболее выраженную литургическую окраску, главными темами росписей стали «Причащение апостолов» и «Служба святых отцов». Со второй половины XIII в. декорация византийского храма все более стала развиваться в направлении конкретного представления различных моментов богослужения, это выражалось в создании символической иконографии алтарных пространств, иллюстрирующей чин проскомидии, Великого Входа, Небесной литургии, Анафоры, в использовании в качестве сюжета изображений церковных песнопений, ветхозаветных чтений (паремий), стихир великопостных служб и пр.

Большинство монументальных живописных ансамблей христианского мира хорошо изучены и многократно опубликованы, включая и алтарные росписи, являющиеся смысловым центром любой декоративной программы. В фундаментальных исследованиях XX столетия с различной степенью подробности рассмотрена тематика и приведены схемы расположения алтарной живописи как раннехристианских памятников, образовывавшихся в первую очередь в местах захоронения мучеников, так и ставших классическими программных фресковых и мозаических ансамблей византийского периода, созданных по императорским и ктиторским заказам и разбросанным по огромной территории Средиземноморья и более отдаленным уголкам христианской ойкумены³.

Объем литературы по иконографии и семантике христианской образности огромен, а проблематика их связи с богослужением очень обширная. Настоящий обзор не претендует на исчерпывающую полноту, это было бы невыполнимой задачей в рамках небольшого объема статьи. Нас в первую очередь интересовали работы последних десятилетий, затрагивающие отдельно или в контексте иконографических исследований проблемы интерпретации алтарных программ в их связи с восточнохристианской литургией.

Из наиболее ранних работ, представляющих интерес для изучения нашей темы, можно назвать статью французского византиста Луи Брейе «Апокалиптические видения в византийском искусстве» (1930), посвященную исследованию проблем декорации раннехристианских и раннесредневековых апсид Востока и Запада⁴, и работу И. Штефанеску «Иллюстрация литургий в искусстве Византии и Востока» (1936),

3 Краткая библиография общих трудов по раннехристианской и византийской монументальной живописи приведена в Приложении 1.

4 *Bréhier L.* Les visions apocalyptiques dans l'art byzantin // *Arta și Arheologia*. 1930. Fasc. 4. P. 1–10.

материалом для которой стали преимущественно румынские памятники послеиконоборческого времени⁵. Л. Брейе, рассматривая композиции, украшающие апсиды церквей Бауита, одним из первых среди исследователей установил тесную связь между содержанием живописной декорации и евхаристической молитвой сирийской литургии⁶. И. Штефанеску в своей монографии на множестве конкретных примеров описал, каким образом использование символических тем помогало художникам проиллюстрировать отдельные псалмы, входящие в византийское богослужение, молитвословия и ритуалы византийской Церкви. Автор шаг за шагом следует за ходом литургии Иоанна Златоуста от проскомидии и до анафоры, рассматривая композиции, иллюстрирующие отдельные наиболее значимые моменты богослужения.

В своей рецензии на работу И. Штефанеску Л. Брейе отметил, что удивлен тем, что автор в качестве аналогий не привлек иллюстрированные литургические свитки, которые, по его мнению, могут помочь «в безошибочном понимании иллюстрации литургической мысли»⁷. В дальнейшем эти идеи были развиты в статье А. Н. Грабара о миниатюрах константинопольского литургического свитка XI в. из Иерусалима (1954)⁸. Эту работу можно назвать в числе первых, посвященных влиянию литургической проблематики на обновление системы храмовой декорации на рубеже XI–XII вв. В ней автор сопоставляет цикл иллюстрирующих молитвы свитка сюжетов с известными ему монументальными ансамблями византийского мира и приходит к выводу, что, находя совокупность таких сцен на стенах византийских церквей, с большой долей уверенности можно говорить о том, что они также, как и миниатюры свитка, корреспондируют с чинопоследованием литургии⁹.

После выхода в свет работы Отто Демуса «Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии» (1948), в которой он описал принципы средне-византийской системы храмовой декорации¹⁰,

5 *Stefanescu J. D. L'illustration des liturgies dans l'art de Byzance et de l'Orient. Brussels 1936.*

6 *Bréhier L. Les visions apocalyptiques dans l'art byzantin // Arta și Arheologia. 1930. Fasc. 4. P. 5.*

7 *Bréhier L. [Рец. на:] Stefanescu J. D. L'illustration des liturgies dans l'art de Byzance et de l'Orient, 1936 // Journal des savants. Janvier-février. 1937. P. 37–38.*

8 *Grabar A. Un rouleau liturgique constantinopolitain et ses peintures // Dumbarton Oaks Papers. 1954. № 8. P. 161–199.*

9 *Ibid. P. 190.*

10 *Demus O. Byzantine Mosaic Decoration. Aspects of Monumental Art in Byzantium. London, 1948. (Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии / пер. с англ. Э. С. Смирновой, ред. и сост. А. С. Преображенский. М., 2001.)*

начали появляться работы, продолжившие поиски текстовых источников изображений, и делающие новые попытки объяснить истоки формирования этой, ставшей классической для византийского искусства схемы. Отражение в системе росписи идей византийского богословия последовательно проследила Эльза Джордани в своей статье «Средне-византийская система украшения как выражение иератической программы изображений» (1951)¹¹. В иерархически устроенных, восходящих от низшего порядка к высшему, иконографических программах церковей этого периода она отметила кристаллизацию идей псевдо-Дионисия Ареопагита, а появление развернутого цикла событий литургического года связала с символично-догматическим комментарием на литургию Феодора Андидского¹².

В 1960-е годы появилось сразу несколько исследований, посвящённых декорации апсид христианских храмов.

Традицию литургического толкования раннехристианских программ монументальной живописи продолжила книга Кристины Бельтинг-Им «Программы живописи христианских апсид с IV–VIII вв.» (1960)¹³. Книга отличается большой широтой охвата материала, сводя его в единую систему, позволяющую говорить об особенностях декоративного убранства алтарей доиконоборческого периода и о связи изображений с ритуалом ранней Церкви.

К проблеме обновления в XI–XII вв. монументальной декорации апсид в работе «Христологические споры XII в. и появление новых тем в декорации апсид византийских церковей» (1966) обратилась Гордана Бабич¹⁴. Она предложила связать появление композиции «Служба святых отцов» с Константинопольскими соборами 1156–1157 гг., причиной которых были богословские споры с латинянами о природе

11 *Giordani E.* Das mittelbyzantinische Ausschmückungssystem als Ausdruck eines hieratischen Bildprogramms // *Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft.* 1951. Bd. 1. S. 103–134.

12 *Ibid.* S. 131–134.

13 *Beltting-Im C.* Die Programme der christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts. Wiesbaden, 1960; *Idem.* Die Programme der christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts. 2. Auflage. Stuttgart, 1992.

14 *Бабић Г.* Христолошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византијских цркава // *Зборник за ликовне уметности.* 1966. Т. 2. С. 1–32. (*Babić G.* Les discussions christologiques et le decor des églises byzantines au XII siècle. Les évêques officiants devant l'Hetoimasie et devant l'Amnos // *Frühmittelalterliche Studien.* 1968. Bd. 2. S. 368–386.)

евхаристической жертвы. Выделив два главных извода этой иконографии: в первом святители поклоняются Этимасии, а во втором объектом поклонения является лежащий на престоле Младенец Христос («Мелисмос»), она впервые обратила внимание на содержание текстов свитков в руках святителей, которые являются фрагментами молитвословий анафоры¹⁵.

Еще одна важная для нас работа 1960-х гг. — историческое исследование литургии византийского обряда Ханса Иоахима Шульца «Византийская литургия: свидетельство веры и значение символов»¹⁶. Особый упор в ней делается на развитии символики обряда, и на иконографии церковной декорации как проповеди Евангелия. Автор использует тексты комментаторов литургии, развивавших направление ее символического толкования, показывая, что между богословским комментарием, развитием литургических форм и церковной иконографией существует взаимосвязь. Более того, характерные части византийской литургии, такие как проскомидия, Малый и Великий вход, добавление теплоты к Драгоценной Крови и многие другие практики, могут быть поняты в их исторически сложившейся форме только в свете символической интерпретации, и немаловажным условием, обеспечивающим выразительную силу этих обрядов, является богословие храмовой декорации¹⁷.

В 1981 г. немецкий историк и теоретик искусства Ханс Бельтинг в прамбуле к своему исследованию «Образ и его функция в Литургии: Муж Скорбей в Византийском искусстве» написал, что «больше нет необходимости доказывать существование связи между искусством и литургией»¹⁸. В своих размышлениях о силе образа он идет дальше и предлагает «отличать произведения с простой литургической коннотацией от других, сам «язык» которых литургичен, или само появление которых является результатом литургического опыта»¹⁹. К таким композициям он относит «Причащение апостолов», поскольку в этой сцене происходит соединение прошлого и настоящего, вечно совершающейся Евхаристии и исторической Вечери, происходившей в Сионской горнице.

15 Ibid. S. 376. Подробнее см.: *Babić G., Walter C.* The inscriptions upon liturgical rolls in Byzantine apse decoration // *Revue des etudes byzantines*. 1976. Vol. 34. P. 269–280.

16 *Schulz H.-J.* Die byzantinische Liturgie. Glaubenszeugnis und Symbolgestalt. Fribourg-en-Brigau, 1964. (*Schulz H.-J.* The Byzantine Liturgy: Symbolic Structure and Faith Expression / transl. Matthew J. O'Connell, introd. and ed. by R. Taft, S. J. New York, 1986.)

17 Ibid. P. 14.

18 *Belting H.* An Image and Its Function in the Liturgy: the Man of Sorrows in Byzantium // *Dumbaron Oaks Papers*. V. 34–35. 1980–1981. P. 1–16.

19 Ibid. P. 2.

Именно создание реальности, существующей за пределами времени и пространства, и является, по его мнению, шаблоном нового литургического языка, появившегося на рубеже XI–XII вв. Также он предлагает выделить еще одну категорию образов, которые черпают само свое содержание из литургии и являются визуальным эквивалентом молитвы или обряда. Автор отмечает, что такие композиции, как «Агнец Божий», не имели бы смысла при изучении их только на основе библейского текста, поскольку они заменили библейскую реальность литургической. Фигура Христа Агнца, лежащего на престоле, изолирована от любого повествовательного контекста, но при этом находит свою выразительную силу в контексте таинства Евхаристии²⁰.

С развитием богословия и общей тенденцией клерикализации общества связывает обновление византийской иконографии на рубеже XI–XII вв. К. Уолтер в своей монографии «Искусство и ритуал в Византийской Церкви» (1982)²¹. Автор систематизировал все новые литургические темы и связал с изменениями, произошедшими в самосознании Константинопольской Церкви в послеиконоборческий период. По его мнению, первая половина XI в. является водоразделом в византийском искусстве²². После победы иконопочитания представления о христианском мире как об обществе, структурно определяемом императором и его окружением, небесным аналогом которому является Христос — Владыка мира, постепенно начали изменяться, именно Церковь с ее таинствами стала осмысляться главным предводителем христиан на пути к спасению. Это не замедлило проявиться в иконографии — на смену сценам теофанических видений и единоличным изображениям Христа и Богоматери в апсидах пришли изображения, способные явить собой образ Церкви в изобразительном искусстве. Так появились композиции, изображающие евхаристические службы, церковные обряды, житийные сцены отдельных святителей, в них включалась обстановка, изображение предметов церковного обихода: свечей, кадил, богослужебных книг и т. д.²³ В алтарной живописи такими композициями являются «Причащение апостолов», «Служба святых отцов», «Христос Священник». В качестве еще одного условия для развития этих тенденций в алтарной декорации автор называет появление традиции богословских

20 Ibid. P. 3.

21 *Walter Chr. Art and Ritual of the Byzantine Church*. London, 1982.

22 Ibid. P. 239.

23 *Захарова А. В.* [Рец. на:] *Walter Chr. Art and Ritual of the Byzantine Church*. London, 1982 // Византийский временник. 1999. № 58. С. 267–269.

комментариев на Божественную литургию, особенно «Сказание о Церкви и объяснение таинств» свт. Германа Константинопольского²⁴.

В 1984 г. норвежский историк искусства Синдинг-Ларсен Стааль сформулировал литургический подход к христианской иконографии. По его мнению, восстановление литургически-пространственной ситуации открывает путь к уяснению первоначального, исходного смысла средневековых изображений²⁵. Именно это направление исследовательской мысли активно разрабатывается в 1990-е гг.

Гейр Хеллемо в своей работе «Адвентус Домини: эсхатологическая мысль в апсидах и катехезах IV века» в очередной раз предложил проанализировать литургический смысловой слой в раннехристианских апсидальных декоративных программах²⁶. Свое исследование он назвал междисциплинарным, поскольку для создания живой картины литургического богослужения IV в. им привлекались не только иконографические, но и текстовые источники²⁷. Многослойные по смыслу композиции раннехристианских апсид, сочетающие и имперскую символику, и эсхатологические ожидания, и вневременные пророческие видения, не позволяют, по мнению автора, однозначно интерпретировать замысел составителя иконографической программы алтаря²⁸. Однако он становится ясен, если исходить из положения, что все декоративные программы объединяет и обобщает содержание евхаристической молитвы²⁹. Чтобы прийти к наиболее точным выводам, Г. Хеллемо предложил проанализировать произносившиеся для оглашенных в IV в. тайноводственные поучения, целью которых было объяснить им значение церковных таинств, дать представление о совершаемом при этом чинопоследовании и о его духовном содержании. Во второй части своего исследования он приводит подтверждающие его гипотезу тексты святителей, представляющих различные богословские школы древней Церкви: свт. Кирилла Иерусалимского, свт. Амвросия Медиоланского и Феодора Мопсуэстийского³⁰.

Катрин Жоливе-Леви опубликовала в 1991 г. фундаментальное исследование иконографических программ апсид каппадокийских

24 Там же.

25 *Sinding-Larsen S. Iconography and Ritual: A Study of Analytical Perspectives. Oslo, 1984.*

26 *Hellemo G. Adventus Domini: Eschatological Thought in Fourth-Century Apses and Catéchèses. Leiden, 1989.*

27 *Ibid. P. 281.*

28 *Ibid. P. 63.*

29 *Ibid. P. 281.*

30 *Ibid. P. 129–272.*

пещерных храмов VII–XIII вв., имеющее не только справочное, но и теоретическое значение³¹. Каппадокия в средние века являлась регионом, удаленным от центральных областей духовной жизни Византийской империи. По мнению автора, особенности каппадокийских иконографических программ, несмотря на кажущуюся их архаичность, прекрасно вписывалась в круг тем, ставших актуальными после победы иконопочитания. В конхах этих небольших пещерных храмов чаще всего изображались различные варианты Теофании, Деисус, изображения Креста. Главным для понимания смысла апсидных программ К. Жоливе-Леви считает литургическое значение изображенных композиций³². Особое внимание автор уделяет надписям, поэтому, например, в наиболее интересном и характерном именно для Каппадокии IX–X вв. варианте Теофании — изображение Христа во славе в окружении ангельских сил с пророками Исайей и Иезекиилем, — автор также предполагает литургическую функцию, ссылаясь на распространенную в Каппадокии традицию толкования Апокалипсиса Арефы Кесарийского³³.

Среди других авторов 1990-х гг., применявших литургический подход к интерпретации храмовой иконографии можно назвать Жана-Мишеля Спизера. В 1991 г. он опубликовал исследование «Литургия и иконографические программы», в центре внимания которого оказались монументальные живописные ансамбли, созданные начиная с середины XI в., т.е. уже после отмеченного К. Уолтером водораздела в византийском искусстве³⁴. Теоретическое обоснование гипотезе о связи программных основ росписей с ритуалом исследователь находит в богословских трактатах церковных писателей XI–XIV вв., развивавших направление символического толкования литургии: Николая Андидского, Николая Кавасилы. Приводя цитаты мистиков, объясняющих тайну приближения к Божественной реальности через опыт литургии, автор последовательно доказывает, что церковная обстановка не только тесно связана с литургической символикой, но и удваивает мистическое переживание византийского обряда, поскольку кроме символизма отдельных частей богослужения, соответствующих этапам земной

31 Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991.

32 Захарова А. В. [Рец. на:] Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991 // Византийский временник. 1999. № 58. С. 269–272.

33 Там же.

34 Spieser J. M. Liturgie et programmes iconographiques // Trauvaux et mémoires. 1991, № 11. P. 575–590.

жизни Христа, на молящегося влияет еще и сакральная среда, артикулируемая при помощи изображения³⁵.

С полемикой об опресноках, занимавшей умы богословов XI в., связал обновление на рубеже XI–XII вв. программных основ алтарной декорации византийских церквей А. М. Лидов. В своей статье «Схизма и византийская храмовая декорация» (1994)³⁶ он задался вопросом почему новые алтарные литургические темы, известные по византийским памятникам, не встречаются в храмовой декорации церквей Латинского Запада. Именно духовное разделение Запада и Востока, повлекшее за собой необходимость поиска новой аргументации в осмыслении евангельского повествования о Тайной Вечере, по мнению автора, стало импульсом к утверждению в византийской Церкви православно-го самосознания, что и выразилось в стремлении отразить новую идейную программу в храмовой декорации³⁷.

В работе 1999 г. «Созерцание Священной тайны: Программы Византийского святилища»³⁸ Шарон Герстель представила каталог росписей алтарей двадцати семи македонских церквей, создание декорации которых датируется 1028–1328 гг.³⁹, и связала появление новых литургических тем с развитием алтарной преграды и, как следствие, ориентированностью программы святилища на узкий круг рукоположенных клириков, имеющих право входить в алтарь⁴⁰. Автор отмечает, что в отличие от тех частей церкви, которые были доступны для мирян и в зависимости от состава прихожан имели очень разнообразные иконографические программы, убранство алтарей, особенно нижних регистров стены, непосредственно окружающих Престол, следовало относительно последовательной декоративной схеме. Лучше всего интерпретировать эту схему через последование литургии⁴¹. Новая программа, по мнению автора, была непосредственно вдохновлена текстами тайных молитв, читаемыми священнослужителями в алтаре, и изображает параллельную действиям земной Церкви небесную реальность, где те же самые

35 Ibid. P. 577–578.

36 Лидов А. М. Схизма и византийская храмовая декорация // Восточнохристианский храм. Литургия. Искусство. СПб., 1994. С. 17–35.

37 Там же. С. 22–23.

38 Gerstel Sh. E. J. Beholding the Sacred Mystery: Programs of the Byzantine Sanctuary. Seattle-London, 1999.

39 Ibid. P. 80–111.

40 Ibid. P. 1–2. См. также: Gerstel Sh. E. J. Liturgical Scrolls in the Byzantine Sanctuary // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1994. Vol. 35. P. 195–204.

41 Ibid. P. 78–79.

ритуалы совершаются Отцами Церкви, возносящими молитвы, начертанные на изображенных в их руках свитках. Несомненной заслугой автора является аннотирование текстов свитков и проведение параллелей с практикой литургии и толкованиями на нее средневековых авторов. Чтобы продемонстрировать, каким образом программы македонских алтарей реагировали на такие общеправославные проблемы, как использование квасного или пресного хлеба для Евхаристии, или место целования в практике причастия⁴², автор использует полемические трактаты в защиту православного обряда XII–XIV вв.

Подводя итоги, можно сказать, что современные представления о проблеме интерпретации программ монументальной живописи в контексте взаимосвязи ее содержания с литургическим пространством были определены работами ученых второй половины XX в. В последние десятилетия в искусствоведческой науке теме литургии и искусства уделяется исключительно большое внимание. Новейшие исследования используют для искусствоведческого анализа и истолкования отдельных иконографических программ весь наработанный арсенал междисциплинарных методов и подходов⁴³. Чтобы под самым разным углом рассмотреть причины, которые могли стать движущей силой программного развития росписей, авторы монографий о монументальных ансамблях византийского мира привлекают тексты учителей Церкви соответствующего исторического периода, содержащие актуальные вопросы сoterиологии и экклезиологии, памятники византийской богослужебной литературы, комментарии на литургию, а также современные богословские работы, исторические и филологические исследования литургических памятников.

В отдельных случаях исследователями в рамках истолкования конкретной иконографической программы памятника ставилась задача

42 См. также: *Gerstel Sh. E. J. Apostolic embraces in Communion scenes of Byzantine Macedonia // Cahiers archéologiques. 1996. Vol. 44. P. 141–148.*

43 См., например: *Tomić Đurić M. To Picture and to Perform: The Image of the Eucharistic Liturgy at Markov Manastir (I) // Zograf, 2014. Vol. 38. P. 123–142; Idem. To Picture and to Perform: The Image of the Eucharistic Liturgy at Markov Manastir (II) // Zograf. 2015. Vol. 39. P. 129–150; Bedros V. Iconographie et liturgie. Le programme de l'abside de l'autel dans cinq monuments moldaves // Studia Patzinaka. 2007. Vol. 5. P. 91–120; Тодић Б., Чанак-Медић М. Манастир Дечани. Београд, 2005; Грозданов Ц. Курбиново и други студи за фрескоживописот во Преспа. Скопје, 2006; Poposka J. Church Mother of God Peribleptos (St. Clement). Ohrid, 2011; Сарабьянов В. Д. Церковь Святого Георгия в Старой Ладого. Спб., 2016; Попова О. С., Сарабьянов В. Д. Мозаики и фрески Святой Софии Киевской М., 2017; Царевская Т. Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на ручью. М., 2007; и др.*

изучения надписей, сопровождающих изображения, и их сравнения с редакциями литургий⁴⁴. Однако до сегодняшнего дня эпиграфический материал алтарных росписей, как обязательный элемент живописной программы, ни разу не изучался систематически, с целью анализа литургических процессов, обусловивших историческое развитие алтарных монументальных тем и циклов.

Помимо привлечения богословских и литургических исследований к искусствоведческому анализу христианского живописного наследия в современной научной среде происходит и параллельный процесс. Среди представителей церковной науки также можно назвать имена ученых, вовлекающих искусствоведческие работы в свои исследования по литургике. К числу наиболее значимых для истории искусства трудов современных литургистов, следует отнести статьи свящ. Михаила Желтова, в которых литургические памятники изучаются в контексте архитектурных или живописных особенностей православных храмов⁴⁵.

Литература

- Восточнохристианские реликвии: [Сб. ст.] / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Восточнохристианский храм. Литургия и искусство: [Сб. ст.] / ред.-сост. А. М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.
- Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии / пер. с англ. Э. С. Смирновой. ред. и сост. А. С. Преображенский. М.: Индрик, 2001.
- Захарова А. В. [Рец. на:] *Walter Chr. Art and Ritual of the Byzantine Church*. London, 1982 // Византийский временник. 1999. № 58. С. 267–269.
- Захарова А. В. [Рец. на:] *Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords*. Paris, 1991 // Византийский временник. 1999. № 58. С. 269–272.
- Иеротопия. Исследование сакральных пространств. Материалы международного симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Радуница, 2004.

44 *Andreev Chr. The Eucharistic Code of the Virgin Peribleptos Church in Ohrid (1294/1295) // Palaeobulgarica*. XL. 2016. № 4. P. 41–84 (с библиографией).

45 *Гайдуков Н. Е., Желтов Михаил, диак.* Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2. С. 76–85; *Его же.* Реликвии в византийских чинопоследованиях // Реликвии в Византии и Древней Руси: Письменные источники / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. С. 67–108; *Его же.* Описание Небесной литургии в евхаристических молитвах древней Церкви // Эсхатологическое учение Церкви: Материалы. М., 2007. С. 388–403.

- Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси: [Сб. ст.] / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006.
- Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2009.
- Икона. Мир святых образов в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: НП АКЦ «Страдиз-Аудиокнига»; «Феория», 2014.
- Иконостас: происхождение-развитие-символика: [Сб. ст.] / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Лидов А. М.* Схизма и византийская храмовая декорация // Восточнохристианский храм. Литургия. Искусство. СПб., 1994. С. 17–35.
- Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2009.
- Чудотворная икона в Византии и Древней Руси: [Сб. ст.] / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Мартис, 1996.
- Andreev Chr.* The Eucharistic Code of the Virgin Peribleptos Church in Ohrid (1294/1295) // *Palaeobulgarica*. XL. 2016. № 4. P. 41–84.
- Babić G.* Les discussions christologiques et le decor des églises byzantines au XII siècle. Les évêques officiants devant l'Hetoimasie et devant l'Amnos // *Frühmittelalterliche Studien*. 1968. Bd. 2. S. 368–386.
- Babić G., Walter C.* The inscriptions upon liturgical rolls in Byzantine apse decoration // *Revue des études byzantines*. 1976, Vol. 34. P. 269–280.
- Belting H.* An Image and Its Function in the Liturgy: the Man of Sorrows in Byzantium // *Dumbaron Oaks Papers*. V. 34–35. 1980–1981. P. 1–16.
- Belting-Ihm C.* Die Programme der christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1960.
- Bréhier L.* Les visions apocalyptiques dans l'art byzantin // *Arta și Arheologia*. 1930. Fasc. 4. P. 1–10.
- Gerstel S. I. J.* Apostolic embraces in Communion scenes of Byzantine Macedonia // *Cahiers archéologiques*. 1996. Vol. 44. P. 141–148.
- Gerstel S. I. J.* Beholding the Sacred Mystery: Programs of the Byzantine Sanctuary. Seattle–London: University of Washington Press, 1999.
- Gerstel S. I. J.* Liturgical Scrolls in the Byzantine Sanctuary // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1994, Vol. 35. P. 195–204.
- Giordani E.* Das mittelbyzantinische Ausschmückungssystem als Ausdruck eines hieratischen Bildprogramms // *Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft*. 1951. Bd. 1. S. 103–134.
- Grabar A.* Un rouleau liturgique constantinopolitain et ses peintures // *Dumbaron Oaks Papers*. 1954. № 8. P. 161–199.
- Hellemo G.* Adventus Domini: Eschatological Thought in Fourth-Century Apses and Catéchèses. Leiden: Brill, 1989.
- Jolivet-Lévy C.* Les églises byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1991.

- Schulz H.-J.* The Byzantine Liturgy: Symbolic Structure and Faith Expression / transl. Matthew J. O'Connell, introd. and ed. by R. Taft, S. J. New York: Pueblo Pub. Co., 1986.
- Sinding-Larsen S.* Iconography and Ritual: A Study of Analytical Perspectives. Oslo: Universitetsforl. As, 1984.
- Spieser J. M.* Liturgie et programmes iconographiques // *Trauvauux et mémoires*. 1991. 11. P. 575–590.
- Stefanescu J. D.* L'illustration des liturgies dans l'art de Byzance et de l'Orient. Brussels, 1936.
- Walter Chr.* Art and Ritual of the Byzantine Church. London, 1982.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Краткая библиография общих трудов по раннехристианской
и византийской монументальной живописи**

Приведены основные общие труды по раннехристианской и византийской монументальной живописи. Литература приводится избирательно. Сделать более полный перечень в рамках данной статьи не представлялось возможным.

О памятниках Рима см.: *Wilpert J.* Die römischen Mosaiken und Malereien der kirchlichen Bauten vom IV bis XIII. Jahrhundert. Bd. I—IV. Freiburg-im-Breisgau, 1916; *Kitzinger E.* Römische Malerei vom Beginn des VII bis zur Mitte des VIII. Jh. München, 1934; *Oakeshott W.* The mosaics of Rome from the third to the fourteenth centuries. L., 1967; *Bovini G.* Mosaici paleocristiani di Roma (secoli III—VI). Bologna, 1971; *Matthiae G.* Pittura romana del medioevo / Con aggiornamento scientifico di M. Andaloro. Roma, 1987. Vol. I: Secoli IV—X; *Mackie G.* Early Christian Chapels in the West: Decoration, Function and Patronage. Toronto; Buffalo; London, 2003; *Andaloro M.* L'orizzonte tardoantico e le nuove immagini 312—468. La pittura medievale a Roma 312—1431. Corpus. Milano, 2006. Vol. 1.

О памятниках Равенны см.: *Bovini G.* I monumenti antichi di Ravenna. Milano, 1952; *Deichmann F. W.* Frühchristliche Bauten und Mosaiken in Ravenna. Baden-Baden, 1958; *Idem.* Ravenna. Geschichte und Monumente. Bd. 1—4. Wiesbaden, 1969—1976; *Deliyannis D. M.* Ravenna in Late Antiquity. New York, 2010.

О памятниках коптского Египта см.: *Rassart-Debergh M.* La décoration picturale du monastère de Saqqara: Essai de reconstitution // Miscellanea Coptica / Acta ad Archaeologiam et artium historiam pertinentia. 1981. T. 9. P. 9—124; *Iacobini A.* Visioni dipinte. Immagini della contemplazione negli affreschi di Bāwīt. Roma, 2000.

О памятниках Синая см.: *Forsyth G. H., Weitzmann K.* The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Church and Fortress of Justinian. Ann Arbor, 1973.

О памятниках Фессалоники см.: *Pelekanidis S.* Gli affreschi paleocristiani ed i più antichi mosaici parietali di Salonico. Ravenna, 1963; *Xyngopoulos A.* The Mosaics of the Church of St. Demetrius in Thessaloniki. Thessaloniki, 1969; *Kleinbauer W. E.* The Iconography and the Date of the Mosaics of the Rotunda of Hagios Georgios in Thessaloniki // Viator. 1972. Vol. 3. P. 27—108; *Mavropoulou-Tsioumi Ch.* Byzantine Thessaloniki.

Thessaloniki, 1992; *Bakirtzis C., Kourkoutidou-Nikolaidou E., Mavropoulou-Tsioumi C.* Mosaics of Thessaloniki. 4th–14th Century. Athens, 2012.

О памятниках Константинополя см.: *Mango C.* Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul. Washington, 1962.

О памятниках Греции см.: *Diez E., Demus O.* Byzantine Mosaics in Greece: Hosios Lucas and Daphni. Camb. (Mass.), 1931; *Bettini S.* La pittura bizantina, Part. I. Firenze, 1937; Part. II: I mosaici, Fasc. 1–2. Firenze, 1938; *Grabar A., Chatzidakis M.* Greece: Byzantine Mosaics. N. Y., 1960; *Skawran K. M.* The Development of Middle Byzantine Fresco Painting in Greece. Pretoria, 1982; *Panayotidi M.* La peinture monumentale en Grèce de la fin de l'Iconoclasme jusqu'à l'avènement des Comnènes (843–1081) // Cahiers archéologiques. 1986. Vol. 34. P. 75–108; *Chatzidakis M.* Corpus de la peinture monumentale byzantine de la Grèce: l'île de Cythère. Athènes, 1997; *Spatharakis I.* Dated Byzantine Wallpaintings of Crete. Leiden, 2001.

О памятниках Кипра см.: *Megaw A., Stylianou A.* Chypre: Mosaïques et fresques byzantine. N. Y., 1963; *Stylianou A. and J.* The Painted Churches of Cyprus. Stourbridge, 1964; *Hein E., Jakovljevič A., Kleidt B.* Cyprus: Byzantine Churches and Monasteries. Mosaics and Frescoes. Ratingen, 1998; *Hein E.* Zypern-byzantinische Kirchen und Klöster: Mosaiken und Fresken. Ratingen, 1996.

О памятниках Сицилии см.: *Di Pietro F.* I mosaici siciliani dell'era normanna. Palermo, 1946; *Demus O.* The Mozaics of Norman Sicily. L., 1950; *Kitzinger E.* I mosaici di Monreale. Palermo, 1960; *Лазарев В. Н.* Мозаики Чефалу // *Лазарев В. Н.* Византийская живопись. Сб. статей. М., 1971. С. 202–239; *Kitzinger E.* I mosaici di Santa Maria dell'Ammiraglio a Palermo. Palermo, 1990.

О памятниках Каппадокии см.: *Jerphanion G., de.* Une nouvelle province de l'art byzantine: Les églises rupestres de Cappadoce. Vol. 1–3. P., 1925–1942.; *Thierry N. et M.* Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan dağı. Paris, 1963; *Thierry N.* Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e siècle. London, 1977; *Eadem.* Haut Moyen Âge en Cappadoce. Les églises de la région de Çavuşin. T. 1–2. Paris, 1983–1994; *Eadem.* La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Âge. Turnhout, 2002; *Restle M.* Die byzantinische Wandmalerei in Kleinasien. Bd. 1–3. Recklinghausen, 1967; *Rodley L.* Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia. L., 1985; *Jolivet-Lévy C.* Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991; *Eadem.* La Cappadoce. Mémoire de Byzance. Paris, 1997; *Eadem.* La Cappadoce médiévale: images et spiritualité.

Paris, 2001; *Eadem*. Études cappadociennes. L., 2002; *Eadem*. Sacred Art of Cappadocia: Byzantine Murals from the 6th to 13th centuries. Istanbul, 2006.

О памятниках древней Руси см.: *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960; *Его же.* Михайловские мозаики. М., 1966.

О памятниках Сербии и Македонии см.: *Petković V. R.* La peinture serbe du Moyen Âge. Vol. 1–2. Beograd, 1930–1934; *Millet G.* La peinture du Moyen Age en Yougoslavie (Serbie, Macédoine et Monténégro). Vol. 1–3. Paris, 1954–1962; *Лазарев В. Н.* Живопись XI–XII вв. в Македонии. Belgrade; Ochride, 1961; *Hamann-Mac Lean R., Hallensleben. H.* Die Monumentalmalerei in Serbien und Makedonien vom 11. Bis zum frühen 14. Jahrhundert. Teil 1–3. Giessen, 1963; *Миљковиќ-Пепек П.* Велјуса. Скопје, 1981; *Джурич В.* Византийские фрески: Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000.

О памятниках Грузии: *Аминарашвили Ш.* История грузинской монументальной живописи. Тбилиси, 1957; *Его же.* История грузинского искусства. М., 1963.